

на экзамены в конце учебного года. Характерно, что позднее он драматизировал данный эпизод. В анкете делегата Московской районной партийной конференции, состоявшейся в 1931 г., бросивший учебу семинарист, отвечая на вопрос об образовании, указал: «Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду марксизма».

С. С. МОНТЕФИОРЕ **Из книги «Молодой Сталин»**

«ЮНОША БЛЕДНЫЙ СО ВЗОРОМ ГОРЯЩИМ»

Грузины считали свою страну угнетенным царством рыцарей и поэтов. Стихотворения Сталина в «Иверии», напечатанные под псевдонимом Сосело, получили известность и стали пусть не первостепенной, но классикой: они публиковались в антологиях грузинской поэзии до того, как кто-либо узнал имя Сталин. В 1916 году первое стихотворение Сталина «Утро» было включено в «Дэдаэна», сборник-букварь для детей, выходящий с 1912 по 1960 год. Оно сохранялось и в последующих изданиях, иногда приписываемое Сталину, иногда нет, вплоть до времен Брежнева.

Теперь у Сталина был подростковый тенор, и говорили, что с его голосом он мог профессионально заниматься пением. Поэзия — еще один талант, который мог бы направить его на другой путь и увести от политики и кровопролития. «Можно лишь пожалеть — и не только по политическим соображениям — о том, что Сталин предпочел революционную деятельность поэзии», — считает профессор Дональд Рейфилд, переведший стихи Сталина на английский. Их романтическая образность вторична, но прелесть этих стихов — в утонченности и чистоте ритма и языка.

Размер и рифмовка стихотворения «Утро» прекрасно выдержаны, но похвалы Сталину снискала изысканная и не по годам зрелая работа с персидскими, византийскими и грузинскими мотивами. «Неудивительно, что патриарх грузинской литературы и общественной мысли Илья Чавчавадзе охотно согласился напечатать „Утро“ и по меньшей мере еще четыре стихотворения», — пишет Рейфилд.

Следующее стихотворение Сосело, восторженная ода «Луне», говорит о поэте еще больше. В мире горных ледников, где правит божественное провидение, неистовый и угнетенный изгой стремится к священному лунному свету. В третьем стихотворении Сталин разрабатывает «контраст между буйством природы и человека с одной стороны и гармоничностью птиц, музыки, певцов-поэтов — с другой».

Четвертое стихотворение наиболее красноречиво. Сталин создает образ пророка, гонимого в своем отечестве, странствующего поэта, которому подносит чашу с ядом его собственный народ. Семнадцатилетний Сталин уже рисует себе «маниакальный» мир, где «великих пророков ожидает лишь травля и убийство». Если в каком-то стихотворении Сталина «есть *avis au lecteur*» («предупреждение читателю»), полагает Рейфилд, то уж точно в этом.

Пятое стихотворение Сталина, посвященное любимому поэту) грузин, князю Рафаэлю Эристави, принесло ему наряду с «Утром» наибольшую поэтическую славу. Именно оно заставило сталинского «инсайдера» в Госбанке подсказать Сталину, когда устроить ограбление на Эриванской площади. Это стихотворение удостоилось включения в сборник к юбилею Эристави в 1899 году. Здесь упоминаются и струны лиры, и жатва крестьянским серпом.

Последнее стихотворение, «Старец Ниника», появившееся в социалистическом еженедельнике «Квали» («Плуг»), сочувственно описывает старого героя, который «внукам сказки говорит». Это идеализированный образ грузина вроде самого Сталина в старости, который сидел на веранде у Черного моря и потчевал молодежь рассказами о своих приключениях.

Ранние стихи Сталина объясняют его навязчивый, разрушительный интерес к литературе в бытность диктатором, а также почтение — и ревность — к блестящим поэтам, таким как Осип Мандельштам и Борис Пастернак. Суждения этого «кремлевского горца» о литературе и влияние на нее были, по словам Мандельштама из его знаменитого скабрёзного антисталинского стихотворения, «как пудовые гири»; «его толстые пальцы, как черви, жирны». Но, как ни странно, за обликом хвастливого грубияна и тупоумного филистера скрывался классически образованный литератор с неожиданными познаниями. Ман-

дельштам был прав, когда говорил: «Поэзию уважают, только у нас — за нее убивают».

Бывший романтический поэт презирал и искоренял модернизм, но благоволил собственному, исковерканному варианту романтизма — социалистическому реализму. Он знал наизусть Некрасова и Пушкина, читал в переводе Гете и Шекспира, цитировал Уолта Уитмена. Он без конца говорил о грузинских поэтах, которых читал в детстве, и сам помогал редактировать русский перевод «Витязя в тигровой шкуре» Руставели: он перевел несколько строк и скромно спросил, подойдет ли его перевод.

Сталин уважал художественный талант и предпочитал убивать скорее партийных писак, чем великих поэтов. Поэтому после ареста Мандельштама Сталин приказал: «Изолировать, но сохранить». Он «сохранил» большинство своих гениев, например Шостаковича, Булгакова и Эйзенштейна; он то звонил им и подбадривал их, то обличал и доводил до нищеты. Однажды такая телефонная молния с Олимпа застала врасплох Пастернака. Сталин спрашивал о Мандельштаме: «Но ведь он же мастер, мастер?» Трагедия Мандельштама была predetermined не только его самоубийственным решением высмеять Сталина в стихах — то есть теми средствами, которыми сам диктатор передавал свои детские мечтания, — но и тем, что Пастернак не сумел подтвердить, что его коллега — мастер. Мандельштам не был приговорен к смерти, но не был и «сохранен», погибнув на пути в ад ГУЛАГа. А вот Пастернака Сталин «сохранил»: «Оставьте этого небожителя в покое».

Семнадцатилетний поэт-семинарист никогда не признавался, что именно он — автор своих стихов. Но позже он сказал другу: «Я потерял интерес к сочинению стихов, потому что это требует всего внимания человека, дьявольского терпения. А я в те дни был как ртуть». Ртуть революции и конспирации, которая теперь просочилась в души тифлисской молодежи — и в семинарию.

<...>

Сосо и еще одного ученика, Сеида Девдориани, переместили из общей спальни в комнату поменьше — из-за слабого здоровья. Девдориани был постарше и уже состоял в тайном кружке, где юноши читали запрещенную социалистическую литературу. «Я предложил ему присоединиться к нам — он с большой

радостью согласился», — рассказывает Девдориани. Там Сталин встретил и своих друзей из Гори — Иремашвили и Давиташвили.

Сначала они читали не подстрекательские марксистские работы, а безобидные книги, запрещенные в семинарии. Мальчики нелегально стали членами книжного клуба «Дешевая библиотека» и брали книги из магазина, владельцем которого был бывший народник Имедашвили. «Помните маленький книжный магазин? — писал он позднее всесильному Сталину. — Как мы думали и шептались в нем о великих неразрешимых вопросах!» Сталин открыл для себя романы Виктора Гюго, особенно «Девяносто третий год». Герой этого романа, Симурден, революционер-священник, станет для Сталина одним из образцов для подражания. Но Гюго монахи строго запрещали.

По ночам Черное Пятно ходил по коридорам, проверяя, погашены ли огни и не читает ли кто (и не предается ли другим порокам). Как только он уходил, ученики зажигали свечи и возвращались к чтению. Сосо обычно слишком усердствовал и почти не спал, выглядел сонным и больным. Когда он начинал кашлять, Иремашвили брал у него из рук книгу и задувал свечу.

Инспектор Гермоген поймал Сталина за чтением «Девяносто третьего года» и приказал наказать его «продолжительным карцером». Затем еще один священник-шпик обнаружил у него другую книгу Гюго: «Джугашвили... оказывается, имеет абонементный лист из „Дешевой библиотеки“, книгами из которой он и пользуется. Сегодня я конфисковал у него сочинение В. Гюго „Труженики моря“, где и нашел названный лист. Помощник инспектора С. Мураховский». Гермоген отметил: «Мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги „Девяносто третий год“ В. Гюго».

На молодого Сталина еще большее влияние оказывали русские писатели, будоражившие радикальную молодежь: стихотворения Николая Некрасова и роман Чернышевского «Что делать?». Его герой Рахметов был для Сталина образцом несгибаемого аскета-революционера. Как и Рахметов, Сталин считал себя «особенным человеком».

Вскоре Сталина поймали за еще одной запрещенной книгой «на церковной лестнице» — за это он получил «по распоряжению ректора продолжительный карцер и строгое предупрежде-

ние». Он «обожал Золя» — его любимым «парижским» романом был «Жерминаль». Он читал Шиллера, Мопассана, Бальзака и «Ярмарку тщеславия» Теккерея в переводе, Платона — в оригинале, по-гречески, историю России и Франции; этими книгами он делился с другими учениками. Он очень любил Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Чехова, чьи произведения запоминал и «мог на память цитировать». Он восхищался Толстым, но ему «наскучивало его христианство» — позже на полях толстовских рассуждений об искуплении грехов и спасении он написал: «Ха-ха!» Он испещрил заметками шедевр Достоевского о революционном заговоре и предательстве — «Бесы». Эти тома проносились контрабандой, прятались под стихарями семинаристов. Сталин потом шутил, что некоторые книги он «экспроприировал» — украл — ради дела революции.

Гюго был не единственным писателем, изменившим жизнь Сталина. Еще один романист изменил его имя. Он прочел запрещенный роман Александра Казбеги «Отцеубийца», где был выведен классический кавказский разбойник-герой по прозвищу Куба. «На меня и Сосо производили впечатление грузинские произведения, которые прославляли борьбу грузин за свободу», — пишет Иремашвили. В романе Куба сражался с русскими, жертвуя всем ради своей жены и своей родины, а затем обрушивая на врагов страшную месть.

«Куба стал для Сосо богом, смыслом его жизни, — рассказывает Иремашвили. Он хотел бы стать вторым Кубой. <... > Сосо начал именовать себя Кубой и настаивать, чтобы мы именовали его только так. Лицо Сосо сияло от гордости и радости, когда мы звали его Кубой». Это имя многое значило для Сталина: отмщение кавказских горцев, жестокость разбойников, одержимость верностью и предательством, готовность пожертвовать личностью и семьей ради великой цели. Он и до этого любил имя Куба: так, сокращенно от Якова, звали его «приемного отца» Эгнаташвили. Имя Куба стало его излюбленным революционным псевдонимом и прозвищем. Но близкие по-прежнему называли его Сосо.

Его стихи уже появлялись в газетах, но в семнадцать лет, осенью 1896-го, Сталин начал терять интерес к духовному образованию и даже к поэзии. По успеваемости он переместился с пятого на шестнадцатое место.

После отбоя ученики, высматривая, не идет ли страшный инспектор, полушепотом, но жарко спорили о великих вопросах бытия. Семидесятилетний диктатор Сталин со смехом вспоминал эти споры. «Я стал атеистом в первом классе семинарии», — говорил он. У него случались споры с однокашниками, например с набожным другом Симоном Натрошвили. Но, какое-то время поразмыслив, Натрошвили «пришел ко мне и признал, что ошибался». Сталин слушал это с удовольствием, пока Симон не сказал: «Если Бог есть, то есть и ад. А там всегда горит адский огонь. Кто же найдет довольно дров, чтобы адский огонь горел? Они должны быть бесконечными, а разве бывают бесконечные дрова?» Сталин вспоминал: «Я захохотал! Я думал, что Симон пришел к своим выводам с помощью логики, а на самом деле он стал атеистом, потому что боялся, что в аду не хватит дров!»

От простого сочувствия революционным идеям Сосо двигался к открытому бунту. Приблизительно в это время его дядю Сандаля, брата Кеке, убили полицейские. Сталин никогда об этом не говорил, но наверняка это сыграло свою роль.

Сталин быстро — «как ртуть» — от французских прозаиков перешел к самому Марксу: за пять копеек семинаристы одолжили «Капитал» на две недели. Он пытался изучать немецкий, чтобы читать Маркса и Энгельса в оригинале, и английский — у него был экземпляр «Борьбы английских рабочих за свободу». Так начинались его попытки выучить иностранные языки, особенно немецкий и английский, — они продлятся всю его жизнь.

СОСЕЛО (ИОСИФ ДЖУГАШВИЛИ) Стихотворения (1895–1896 годы)

1. ЛУНЕ

Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.